

Воробьева Светлана Вадимовна

аспирант кафедры гуманитарных
и социально-политических наук
Московского государственного технического
университета гражданской авиации

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ УГРОЗЫ: АНТИСЦИЕНТИСТСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

Аннотация:

В статье обсуждается проблема оценки роли науки в современном обществе в антисциентистском контексте. Актуализация антисциентистских подходов, ориентированных на рефлексивность негативных последствий внедрения инновационных наукоемких технологий, качественно преобразующих все сферы социальной жизни, обусловлена стремлением научного сообщества выявить глубину вторжения научного познания в социальные процессы, определить пути его гуманизации. Ключевая идея статьи состоит в утверждении, что в развитии науки объективно обнаруживаются противоречивые эпистемологические следствия: с одной стороны, растет объем знаний и, соответственно, увеличивается власть человека над природными и социальными силами, с другой – все отчетливее обнаруживается неспособность человека не только овладеть сущностными основаниями бытия, но и использовать полученные знания для блага человечества. Автор рассматривает антисциентизм как концептуальное решение проблемы объективной оценки роли науки в обществе знаний, сформировавшееся в философии в ответ на сциентистские попытки превратить науку в единственный драйвер социального развития. Выделяются и описываются умеренная и радикальная версии антисциентизма. На основе анализа дискурсов современного антисциентизма делается вывод о необходимости социально-гуманитарной экспертизы социальных последствий внедрения научных открытий и наукоемких технологий.

Ключевые слова:

антисциентизм, сциентизм, наука, научное познание, критика науки, ценности, общество знаний, информационное общество, гуманитарная экспертиза.

Vorobyeva Svetlana Vadimovna

PhD Student, Department of Humanities,
Social and Political Sciences,
Moscow State Technical University of
Civil Aviation

EPISTEMOLOGICAL THREATS: THE CONCEPT OF ANTI-SCIENTISM IN MODERN CULTURE

Summary:

The study discusses the evaluation of the role of science in modern society in an anti-scientistic context. The anti-scientistic approaches focus on the reflection of the negative consequences of high-tech technology being introduced that qualitatively transform all spheres of social life. These approaches are updated due to the desire of the scientific community to find out the penetration rate of scientific knowledge in social processes and identify ways to humanize it. The key message of the research is the statement that contradictory epistemological consequences are objectively revealed in the development of science. On the one hand, the scope of knowledge is growing, and, consequently, the human power increases over natural and social forces. On the other hand, it is evident that human beings are unable to both realize the essential foundations of being and use their knowledge for the benefit of mankind. The author considers anti-scientism as a conceptual solution to the problem of objective evaluation of the role of science in the knowledge society formed in philosophy in response to the scientific attempts to turn science into a single driver of social development. Moderate and radical options of anti-scientism are described. The analysis of discourses of modern anti-scientism demonstrates that the social consequences of the introduction of scientific discoveries and high technology require the social and humanitarian expertise.

Keywords:

anti-scientism, scientism, science, scientific knowledge, criticism of science, values, knowledge society, information society, humanitarian expertise.

Общепризнанной тенденцией развития научного познания выступает ускорение роста объема знаний. Объективными основаниями этого процесса являются не только достижения в области научной методологии, что подкрепляет дискурсы эпистемологии интернализма, но главным образом стремление человечества к освоению природных и социальных ресурсов во все увеличивающихся масштабах. В настоящее время изменение всех сторон жизни социума приобретает направленный характер, цели которого фундированы научными знаниями. Однако, констатируя прогрессивное развитие научных знаний, необходимо иметь в виду параллельный процесс, содержание которого расширяет проблемное пространство непознанного, о чем уже достаточно активно говорят представители физики как классического вида научного знания, инкорпорируя в науку такие понятия, как, например, «темная материя», «темная энергия».

Объем непознанного, осознаваемый на современном этапе развития научного знания, значительно превышает масштабы и сложность нерешенных научных проблем, стоявших перед наукой предшествующих веков. Таким образом, в развитии науки объективно обнаруживаются противоречивые эпистемологические следствия: с одной стороны, растет объем знаний и, соответственно, увеличивается власть человека над природными и социальными силами, с другой – все

отчетливее обнаруживается неспособность человека не только овладеть сущностными основаниями бытия, но и использовать полученные знания для блага человечества. Конечно, если следовать сократовскому призыву познавать непознанное, проистекающему из тезиса «я знаю только то, что я ничего не знаю», недостаток знания стимулирует эпистемологический процесс. Однако, если посмотреть на рассматриваемую проблему с социальных позиций, встает вопрос не только о могуществе, но и о слабости человека в познании мира. Рост эпистемологических ресурсов человечества неизбежно инвертируется в непредсказуемость, неконтролируемость, нарастающую рискосгенность последствий применения научных знаний. Осмысление этого противоречия актуализирует проблему социально-гуманитарного контроля развития научного познания.

Проблема оценки результатов научных исследований с точки зрения блага человечества, обсуждение которой инициировало антисциентистскую линию в эпистемологии, была поставлена еще в XVIII в. Ж.-Ж. Руссо, который в своей фундаментальной работе «Об общественном договоре» утверждал, что «науки и искусства... обязаны своим происхождением нашим порокам» [1, с. 37]. Французский мыслитель рассматривал достаточно узкую проблему негативного влияния науки на нравы общества, однако по мере экспансии научных знаний во все сферы общественной жизни и превращения их в технологии произошло значительное расширение границ ее содержательного пространства, в которое сегодня включаются не только нравы (и мораль) людей, но и психика, телесное здоровье, социальные отношения, среда обитания и т. д.

Целевая задача антисциентистской ориентации в современной эпистемологии заключается в осмыслении негативных следствий внедрения достижений науки во все сферы жизни людей, и пессимистичные настроения антисциентистов только растут в связи с отсутствием предпосылок интенции научных исследований на получение результатов, которые могут быть применены исключительно во благо человечества, а не, например, во имя коммерческой выгоды или на военные цели. Антисциентизм в философии традиционно рассматривается как концептуальное направление, обосновывающее необходимость критической оценки науки и ее роли в современном обществе. Причем эта оценка может быть даже резко отрицательной по отношению к развитию науки в целом.

Идея господства человека над природой, возникнув в период расцвета научного знания, прозвучав у Ф. Бэкона в виде дискурса «знание – сила», стала знаменем эпохи Просвещения. Однако в это же время разворачивается провидческая критика идеи неразрывной связи развития науки и социального прогресса. Как отмечалось, мотив антисциентизма прозвучал у Ж.-Ж. Руссо, который двести пятьдесят лет назад в небольшом эссе, подготовленном на конкурс, объявленный академией города Дижона, на тему «Способствовало ли возрождение наук и искусств улучшению нравов?» убедительно обосновал дискурс об отрицательном воздействии достижений науки на духовную жизнь общества, утверждая, что гибель нравов определена развитием цивилизации, ведущим к искусственной и вырождающейся жизни [2].

Но можем ли мы утверждать, что антисциентизм отрицает научное познание с его подчас непредсказуемыми, рискосгенными результатами или в его контексте решается важная для выживания человечества на современном этапе глобальная проблема недостаточности (ограниченности) научных знаний для успешного цивилизационного развития и осуществляется поиск выхода из этой непростой эпистемологической ситуации?

В научной традиции различают несколько устоявшихся вариаций антисциентизма, различающихся по уровню критичности отношения к науке. Умеренный вариант не критикует концепцию сциентизма, агрессивно отстаивающую свою позицию и отрицающую право на иное мнение, а акцентирует внимание на негативных аспектах научного развития. Этот подход в метафорически-художественной форме был представлен в романе М. Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей» (1818), презентующем (впервые в мировой литературе) сюжет об ученом, открытия которого гибельны для человечества [3]. Этот сюжет, отмечают исследователи, представляющий «смысловой стержень антисциентизма, стал на перекрестке тысячелетий одной из наиболее философски значимых и обсуждаемых тем не только в научных сообществах, но и в широких культурных кругах. Содержательная метафора романа ориентирована на привлечение внимания к превращенным итогам деятельности человека, стремящегося использовать научные знания для получения полезных результатов, но обманувшегося в своих устремлениях» [4, с. 41]. Образ Франкенштейна, утверждает В.В. Миронов, олицетворяет собой реальную угрозу, которую несет наука, вмешиваясь в самые потаенные сферы жизнедеятельности и сознания человека [5, с. 6].

Рассмотрение последствий инновационных трансформаций социума в процессе внедрения научных достижений центрировано в исследованиях как западной, так и отечественной социально-философской мысли. Э. Тоффлер в знаковой работе «Шок будущего» обращал внимание на скорость процесса социальных и технических изменений, утверждая, что благодаря бесконтрольному развитию науки и техники преобразование в обществе настолько быстры, что адаптироваться к ним индивиду все сложнее. Ранее темпы социальных изменений позволяли крупным преобразованиям уложиться в годы жизни одного поколения. В наши дни этот процесс проходит значительно

быстрее: «Мы сейчас переживаем наиболее экстенсивную и быструю урбанизацию... <...> Та же тенденция ускорения постоянно проявляется в потреблении человеком энергии. <...> Такие перемены в соотношении старого и нового воздействуют, ...подобно электрическому разряду, на привычки, убеждения и самовосприятие миллионов людей. Никогда в предыдущей истории это соотношение не изменялось так радикально за столь краткое мгновение времени» [6, с. 35–36].

Умеренная вариация антисциентизма направлена против абсолютизации практических возможностей науки, выдвигая на первый план необходимость гуманитарной оценки и контроля всех внедряемых инноваций, не отрицая в целом роль науки в прогрессе всего человечества. При этом умеренный антисциентизм утверждает, что не только научное познание детерминирует социальные процессы, немаловажную роль здесь играют гуманитарные факторы, в том числе политическая система, образование, искусство, религия, мораль и эмоциональный настрой отдельных личностей.

В русле умеренного антисциентизма философская общественность также обращает внимание на потенциальные опасности, обусловленные коммерциализацией науки. В современном обществе знание становится товаром, обладающим определенной стоимостью. И актуальность того или иного знания (независимо от негативных следствий его практического использования) формируется спросом на него со стороны государственных ведомств и частных корпораций, имеющих возможность финансирования научных исследований: «Наука становится изготовителем и поставщиком в соответствии с заказом знания-товара в обмен на “всеобщий эквивалент”. Ученые и научные коллективы тем самым включаются в систему рыночных отношений, где действуют законы купли-продажи, конкуренции и ничего более» [7, с. 47]. Это ведет к изменению фундаментальных установок науки о самоценности нового знания. Сформировалось мнение, что «в отличие от предыдущей истории, когда развитие общества существенно определялось прогрессом науки, сейчас усиливается обратный процесс – возрастает зависимость развития науки от потребностей и финансовых возможностей общества. Единство постигающей и преобразующей деятельности разума было нарушено преобладанием технико-инструментальных задач над проблемами целостного познания истины. Понимание цели науки как познания истины приобретает все более декларативный характер, постепенно вытесняется и заменяется конкретными проектами достижения пользы и эффективности» [8, с. 15]. Поворот науки в сторону экономических ценностей, сопровождающийся отказом от этических оценок результатов деятельности ученых, активно обсуждается и западными учеными [9].

Радикальная версия антисциентизма менее обходительна в своих оценках последствий развития науки. Мнения сторонников данной версии простираются от утверждения о полной невозможности развития науки без негативных последствий для общества до утверждения о том, что любой тоталитарный политический режим использует научные теории для порабощения масс людей и управления ими. Представители радикального антисциентизма «с политическим окрасом» говорят о том, что тоталитарные режимы предлагают разные модели переделки устройства мира, однако каждая из подобных концепций хоть и базируется на определенных научных выкладках, но является негуманной и чужда естественному положению вещей в обществе. Подобные идеи антисциентизма взяли на вооружение многие оппозиционные движения, такие как антиглобалисты, хиппи и т. п.

В XX в. широкую популярность обрел жанр антиутопий, в которых обстоятельно обсуждается тема критики дискурсов о возрастающем и нерегулируемом господстве науки в жизни общества. В произведениях Дж. Оруэлла, Р. Брэдли, Е.И. Замятина, О. Хаксли, братьев Стругацких и других авторов детально представлен сюжет об отсутствии будущего в обществе, где главенствуют наука и идеология, а люди являются крошечными винтиками системы, лишенными чувств, мыслей, привязанностей и простого человеческого общения. Утопические представления об идеальном мире, ожидающем людей будущего, мире, разделенном на жесткие касты, классы и социальные группы посредством генных модификаций и развития когнитивных и социальных технологий, обращают внимание читателя на невозможность пренебрежения гуманитарным знанием как единственной возможностью анализа текущей социальной ситуации и наполнения человеческой жизни смыслом.

В качестве доказательств состоятельности своих взглядов антисциентисты выдвигают множество аргументов. Одна из наиболее популярных претензий к сциентизму сводится к утверждению, концептуально оформившемуся еще в неокантианстве, о невозможности применения методов естественных наук к исследованию социокультурных объектов и к очевидной необходимости распределения научных проблем в зависимости от изучаемого вопроса. Социальные процессы уникальны и единичны, познать их методами естествознания нельзя, их можно понять и истолковать (субъективно). Отсюда следует логичный вывод о бессилии познать перспективы развития общества средствами науки (каковой считается только естествознание).

Анализ вариаций антисциентизма позволяет выделить основные черты, характерные для данной мировоззренческой ориентации:

- 1) отрицание науки как единственно возможного средства прогресса общества, акцент на иных формах познания;
- 2) скептическое отношение или даже полное отрицание социальных возможностей науки;
- 3) убежденность в негативных последствиях внедрения научных инноваций без должной социальной оценки;
- 4) разграничение методов естественных и гуманитарных наук, установка на гуманитарную экспертизу достижений естественных наук.

Важнейшим нюансом, о котором ведет речь антисциентизм, является социально-гуманитарная оценка последствий научного и технического прогресса. Использование достижений науки в военной сфере для создания оружия массового поражения различных видов, техногенные катастрофы, аварии на производстве, экологическая ситуация в мире, вмешательство в генную структуру человека – все это ставит под угрозу само существование человеческой цивилизации и может повлечь антропологическую катастрофу. Представители антисциентизма небезосновательно утверждают, что это происходит из-за отсутствия должной гуманистической экспертизы и оценки внедряемых научных открытий [10]. Эта экспертиза должна быть комплексной, т. е. осуществляться представителями разных областей научного знания, и независимой от государственных и коммерческих структур. Однако создание такой экспертизы сегодня осложнено социальной ангажированностью науки, ее глубокой коммерциализацией.

Многочисленные обзоры результатов научных исследований, представляющих опасность для здоровья человека [11], позволяют согласиться с тревогой представителей антисциентизма, предупреждающих об эпистемологических угрозах. Эпистемологические угрозы мы рассматриваем как потенциальную опасность результатов научных исследований, целевая ориентация которых не была подвергнута социально-гуманитарной экспертизе. Следовательно, задача последователей антисциентистской линии в науке и культуре должна быть интенцирована на поиск решений социальных проблем, возникающих в результате развития науки, и оценку последствий практической реализации научных открытий. Философы считают, что следует ставить на первое место гуманистические проблемы и, руководствуясь гуманистическими идеалами, решать проблемы технократические. Аргументация антисциентистской направленности заслуживает внимания на современном этапе развития общества, так как она предполагает при сохранении фундаментальных установок науки разработку ее гуманистического измерения, фундаментирующего новые стратегии развития цивилизации.

Ссылки и примечания:

1. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты. М., 1998. 416 с.
2. Руссо Ж.-Ж. Рассуждение о науках и искусствах // Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения : в 2 т. Т. 2. М., 1981. С. 20–42. Уместно здесь вспомнить о презентации этой идеи на новом этапе цивилизационного развития в научном творчестве О. Шпенглера. См.: Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории : в 2 т. Т. 1. Гештальт и действительность. М., 1993. 663 с.
3. Увлекаясь научными поисками и постигнув тайны неживой и живой материи, молодой ученый Виктор Франкенштейн не задумывается о том, к чему приведет его умение оживить мертвую материю, сотворить человеческое существо. Когда это произошло, он пришел в ужас от содеянного. См.: Шелли М. Франкенштейн, или Современный Прометей. М., 2015. 286 с.
4. Гаранина О.Д. Социальные фобии миллениума: наука в образе Франкенштейна // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. 2012. № 182. С. 40–45.
5. Миронов В.В. Образы науки в современной культуре и философии. М., 2004. 332 с.
6. Тоффлер Э. Шок будущего. М., 2002. 557 с.
7. Хамидов А.А. Общество знания как проблема социальной философии // Вопросы философии. 2017. № 8. С. 43–53.
8. Наука. Технологии. Человек : материалы круглого стола // Там же. 2015. № 9. С. 5–39.
9. Hurd H. Fouling Our Nest // Value and Values. Economics and Justice in an Age of Global Interdependence / ed. by R.T. Ames, P.D. Herschok. Honolulu, 2015. P. 82–108. <https://doi.org/10.21313/hawaii/9780824839673.001.0001>.
10. Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 7. М., 2013. 245 с.
11. Емелин В.А. Киборгизация и инвалидизация технологически расширенного человека // Национальный психологический журнал. 2013. № 1 (9). С. 62–70 ; Фесенкова Л.В., Дерябина Е.Д. Идея преобразования человека в современной культуре. Проблема трансгуманизма сегодня // Культурное наследие России. 2015. № 4. С. 16–19 ; Юдин Б.Г. Новые итоги давнего исследования // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 6. М., 2012. С. 12–26.

References:

- Bioethics and Humanitarian Expertise* 2013, iss. 7, Moscow, 245 p., (in Russian).
Emelin, VA 2013, 'Cyborgization and Disability of a Technologically Advanced Person', *Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal*, no. 1 (9), pp. 62-70, (in Russian).
Fesenkova, LV & Deryabina, ED 2015, 'The Idea of Transforming a Person in Modern Culture. The Problem of Present-Day Transhumanism', *Kul'turnoye nasledie Rossii*, no. 4, pp. 16-19, (in Russian).

- Garanina, OD 2012, 'Social Phobias of the Millennium: Science in the Image of Frankenstein', *Nauchnyy vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta grazhdanskoy aviatsii*, no. 182, pp. 40-45, (in Russian).
- Hurd, H 2015, 'Fouling Our Nest', in RT Ames & PD Hershock (eds.), *Value and Values. Economics and Justice in an Age of Global Interdependence*, Honolulu, pp. 82-108. <https://doi.org/10.21313/hawaii/9780824839673.001.0001>.
- Khamidov, AA 2017, 'Knowledge Society as a Problem of Social Philosophy', *Voprosy filosofii*, no. 8, pp. 43-53, (in Russian).
- Mironov, VV 2004, *Images of Science in Modern Culture and Philosophy*, Moscow, 332 p., (in Russian).
- Rousseau, J-J 1981, 'Discourse on the Sciences and Arts', *Pedagogicheskiye sochineniya*, in 2 vols., vol. 2, Moscow, pp. 20-42, (in Russian).
- Rousseau, J-J 1998, *On the Social Contract. Treatises*, Moscow, 416 p., (in Russian).
- 'Science. Technology. People. Materials of Round Table' 2015, *Voprosy filosofii*, no. 9, pp. 5-39, (in Russian).
- Shelley, M 2015, *Frankenstein, or The Modern Prometheus*, Moscow, 286 p., (in Russian).
- Spengler, O 1993, *The Decline of the West. Essays on the Morphology of World History*, in 2 vols., vol. 1, Moscow, 663 p., (in Russian).
- Toffler, A 2002, *Future Shock*, Moscow, 557 p., (in Russian).
- Yudin, BG 2012, 'New Results of the Long-Term Study', *Bioetika i gumanitarnaya ekspertiza*, iss. 6, Moscow, pp. 12-26, (in Russian).